

Недоступно для публикации
до 13.00 10 декабря 2022 года

THE
NOBEL
PEACE
PRIZE

Нобелевское выступление
лауреата Нобелевской премии мира
2022 года
«Мемориал»

в лице
Яна Рачинского

Осло, 10 декабря 2022 года

.

Авторское право © Нобелевский фонд, Стокгольм, 2022 г.

Общее разрешение на публикацию в газетах на любом языке.
Для публикации в периодических изданиях или книгах, в цифровой или электронной форме,
кроме краткого изложения, требуется согласие Фонда.
Все публикации полностью или в большей части должны содержать
указанное выше уведомление об авторских правах.

МИР, ПАМЯТЬ, СВОБОДА

Ваше величество, ваши королевские высочества, дамы и господа! Дорогие друзья!

Прежде всего позвольте мне от имени Общества «Мемориал» поблагодарить Норвежский Нобелевский комитет за присуждение нашему Обществу Нобелевской премии мира этого года.

Мы особо благодарны Нобелевскому комитету за то, что разделяем эту высокую честь с украинским Центром гражданских свобод и с мужественным белорусским правозащитником Алесем Беляцким. Такое решение Комитета имеет важное символическое значение: оно подчеркивает, что государственные границы не могут и не должны разделять гражданское общество. А для нас это соседство - дополнительная награда.

Общество «Мемориал» существует уже 35 лет. Сегодня его организации работают во многих регионах России, в Украине, в нескольких странах Западной Европы. Присужденная нам Нобелевская премия – это заслуга каждой из этих организаций, каждого из тысяч людей, принимающих участие в их деятельности – их членов, сотрудников, волонтеров, участников публичных акций. Это заслуга и тех, кого уже нет с нами. В особенности тех, кто создавал наше общество и сделал его тем, чем оно сегодня стало: Андрея Сахарова, Арсения Рогинского, Сергея Ковалева, многих других. Это их премия, так же, как и наша.

В нашей работе на равных сосуществуют два основных направления.

Первое – это восстановление исторической памяти о государственном терроре. Мы ведем архивные исследования, ищем места расстрелов и захоронений, собираем собственные архивы, библиотеки, музейные коллекции, издаем книги, организуем публичные акции памяти. Мы проводим выставки, научные конференции и семинары, работаем с молодежью. Мы создаем базы данных о жертвах террора и о тех, кто этот террор осуществлял. Мы рассказываем о преследованиях инакомыслящих, об интеллектуальном, гражданском и политическом сопротивлении тоталитаризму.

Второе – это борьба за права человека в новую, пост-советскую эпоху. Это сбор, анализ и публикация информации о нарушениях прав человека в «горячих точках»: в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, зоне осетино-ингушского конфликта, Чечне, Донбассе. Это поиск пропавших без вести, расследование бессудных расправ и так называемых «исчезновений». Это помощь беженцам и вынужденным переселенцам. Это мониторинг политических преследований и правовая помощь политзаключенным, которых сегодня в России уже не меньше, чем было в СССР к началу перестройки. В известном смысле это продолжение борьбы за свободу, которая не прекращалась и в годы советской власти – здесь соединяются прошлое и настоящее.

В своем выступлении мне хотелось бы коснуться нескольких общих вопросов.

Первый вопрос – это соотношение между правозащитой и работой с исторической памятью в деятельности «Мемориала».

Двести лет назад Пушкин видел основу «самостоянья человека», его достоинства и личной свободы в его чувстве сопричастности к прошлому, в любви «к родному пепелищу» и к «отеческим гробам». На неразрывной связи между памятью и свободой основана и работа «Мемориала».

Специфика этой работы – в том, что мы занимаемся исследованием и документированием не просто трагедий прошлого и острых общественных коллизий настоящего. Мы исследуем и документируем преступления. Преступления против человека и против человечности, совершенные или совершаемые государственной властью. И первопричину этих преступлений мы видим в сакрализации государственной власти как высшей ценности, в провозглашении абсолютного приоритета того, что этой власти угодно считать «государственными интересами», над личностью, ее свободой, достоинством и правами. Эта перевернутая система ценностей, в которой люди – лишь расходный материал для решения государственных задач, господствовала в нашей стране семьдесят лет.

Одно из очевидных следствий сакрализации государства – возрождение имперских амбиций. Проявлением этого в начале второй мировой войны стали нападения на Польшу и Финляндию, захват стран Балтии, аннексия Бессарабии и Северной Буковины. Послевоенный диктат в отношении стран Восточной Европы, вторжения в Венгрию в 1956 и Чехословакию в 1968, война в Афганистане – проявление тех же амбиций, которые живы и сегодня.

Другое следствие – безнаказанность не только тех, кто принимает преступные политические решения, но и тех, кто совершает преступления при их исполнении. Безнаказанными и даже не расследованными остаются бессудные казни, убийства мирных жителей, пытки и мародерство. Мы видели это в военных действиях в Чечне, мы видим это и сегодня на захваченной территории Украины. После бомбежек Грозного уничтожение Мариуполя не стало чем-то принципиально новым.

Цепь безнаказанных преступлений продолжается, она не прервется сама собой. И у этой проблемы нет никакого компромиссного решения.

Увы, у российского общества не хватило сил прервать традицию государственного насилия.

Семьдесят лет государство уничтожало всякую солидарность между людьми, атомизировало общество, искореняя в нем всякое проявление гражданской солидарности, превращая его в покорное и безгласное «население». Сегодняшнее печальное состояние гражданского общества в России – прямое следствие непреодоленного прошлого.

Для нас высшим приоритетом является человек, его жизнь, свобода и достоинство. Мы отвергаем формулу «человек – ничто, государство – все». В центре нашего внимания не эпохальные исторические события и не вопросы «большой политики» (хотя и в этих вопросах приходится разбираться, чтобы понять контексты человеческих судеб). Для нас важнее имена и судьбы конкретных людей, ставших жертвами преступной государственной политики, в прошлом и настоящем. Имя и Судьба – это та основа, тот уровень, на котором мы работаем, то, что мы документируем или восстанавливаем.

Второй вопрос – это наднациональный, общечеловеческий характер проблем, которыми занимается «Мемориал».

Человечество уже давно осознало, что права и свободы человека не связаны национальными границами. Здесь все ясно, и сегодняшний выбор Нобелевского комитета отчетливо это подтверждает. Идея верховенства, универсальности и неделимости прав человека превратилась в один из ключевых факторов человеческого общежития, в залог мира и прогресса на планете. Заметный вклад в это превращение внесла отечественная мысль, от русского философа XIX века Владимира Соловьева до Андрея Сахарова, Юрия Орлова и других советских диссидентов.

С исторической памятью дело обстоит сложнее. В каждой стране, в каждом обществе складываются собственные исторические нарративы, собственные «национальные образы прошлого», которые нередко противоречат тем, что сложились у соседей. Причиной споров при этом становятся, как правило, не те или иные факты, а разные интерпретации одних и тех же событий. Различия в осмыслении и оценках одних и тех же исторических событий, возникающие у разных народов, неизбежны – ведь и осмысление, и оценки рождаются в контексте разных национальных историй. Надо лишь научиться осознавать причины возникновения этих различий и уважать право каждого народа на собственное понимание прошлого.

Бессмысленно игнорировать «чужую» память, делать вид, что ее не существует вовсе. Бессмысленно и крайне опасно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те интерпретации исторической реальности, которые стоят за этой памятью. И смертельно опасно использовать историю в качестве политического инструмента, развязывать «войны памяти».

В советской империи любые попытки борьбы народов за национальную независимость и даже просто проявления национального самосознания, не укладывающиеся в идеологическую догму, объявлялись «буржуазным национализмом» и жестоко подавлялись. После распада СССР в новых государствах, возникших на его территории, стали складываться новые исторические нарративы, не совпадающие с официальной советской исторической мифологией. И вскоре после прихода к власти Владимира Путина новое российское руководство и его идеологическая обслуга начали яростные и агрессивные «войны памяти» против своих соседей, – Эстонии, Латвии,

Украины, - в полной мере используя при этом старые советские стереотипы и ярлыки. Конечно, это делалось отнюдь не во имя «исторической правды», а ради собственных политических интересов. Кончилось тем, что борьба с «национализмом» и «бандеровщиной» стала идеологическим обоснованием и пропагандистским обеспечением безумной и преступной захватнической войны против Украины.

И одной из первых жертв этого безумия оказалась историческая память самой России. В самом деле, для того, чтобы выдать агрессию против соседней страны за «борьбу с фашизмом», потребовалось искорректировать умы российских граждан, поменяв местами понятия «фашизм» и «антифашизм». Теперь российские масс-медиа именуют «антифашизмом» вооруженное вторжение в соседнюю страну, не дававшую к этому никаких поводов, аннексию захваченных территорий, террор против гражданского населения в оккупированных районах, военные преступления. Нагнетается ненависть к Украине, ее культура и ее язык публично объявляются «неполноценными», а украинский народ несуществующим. «Фашизмом» же называют сопротивление агрессору. Все это абсолютно противоречит историческому опыту России, обесценивает и искажает память о подлинно антифашистской войне 1941-1945 гг., память о советских солдатах, сражавшихся против Гитлера. Слова «русский солдат» в сознании множества людей будут связаны теперь не с ними, а с теми, кто сеет смерть и разрушение на украинской земле.

И, наконец, последняя проблема, которого я хотел бы коснуться в этом выступлении: проблема вины и ответственности.

Нас мучает вопрос – действительно ли «Мемориал» заслужил Нобелевскую премию мира?

Да, мы пытались противостоять размыванию исторической памяти и правового сознания, документировали преступления прошлого и настоящего. Не будем скромничать: мы в самом деле очень много делали и немало сделали. Но разве наша работа предотвратила катастрофу 24 февраля?

Чудовищный груз, упавший на наши плечи в этот день, стал не легче, а тяжелее после известия о присужденной нам премии.

Нет, это не груз «национальной вины». Не стоит вообще говорить о «национальной» или какой-нибудь еще коллективной вине, - хотя бы потому, что концепция «коллективной вины» решительно отвергается правовым сознанием. Совместная работа участников нашего движения базируется на совсем другой мировоззренческой основе – на понимании гражданской ответственности за прошлое и за настоящее.

Ответственность же человека за все, что происходит с его страной, да и со всем человечеством, основана, как заметил еще Карл Ясперс, на солидарности, общегражданской и общечеловеческой. Это же относится и к чувству ответственности за события прошлого. Оно вырастает из ощущения человеком своего единства с

предыдущими поколениями, из способности осознать себя звеном в цепи этих поколений – то есть, из осознания своей принадлежности к сообществу, которое не вчера возникло и, будем надеяться, не завтра исчезнет. Готовность к ответственности – это исключительно личное качество: человек сам, добровольно, принимает на себя ответственность за то, что происходило когда-то или за что-то, что происходит сейчас, но в чем он непосредственно не участвует; никто другой не может возложить на него этот груз. И самое важное: чувство гражданской ответственности, в отличие от чувства вины, требует не «покаяния», а работы. Его вектор направлен не в прошлое, а в будущее.

«Мемориал» как раз и представляет собой союз людей, добровольно принимающих на себя гражданскую ответственность за прошлое и настоящее и работающих во имя будущего. И, может быть, мы должны воспринимать эту премию не только как оценку того, что сумели сделать за тридцать пять лет, но и как своего рода аванс, ибо мы не опускаем руки и продолжаем работать.

Благодарю за внимание.